

ГЛАВА 2. ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Борсук Н. Н.
(Брест, Беларусь)

УДК 821.161.1–312.1

ДИНАМИКА ПОЗНАНИЯ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ А. СОЛЖЕНИЦЫНЫМ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЦИКЛОВ «КРОХОТКИ»)

Ключевые слова: крохотки, лирический герой, рассказ-афоризм, лирическая миниатюра, жанровое своеобразие, тематика, философский цикл, малые формы, неологизм.

Аннотация: в статье прослеживается, как от крохотки к крохотке расширяется круг интересов писателя: от наблюдений за окружающим миром, размышлений над «мгновениями» повседневности, осмысления душевного состояния, духовно-этических, нравственно-эстетических гражданских проблем (цикл 1968–1960) до стремления к познанию философии жизни, законов мироздания (цикл 1996–1999). Уникальное восприятие окружающего мира, запечатлённое в произведениях малой формы, позволяет утверждать, что для своих произведений А. Солженицын определил жанр, ранее не известный в литературоведении, – крохотки, в котором отражён уникальный опыт предшественников и современников писателя, работающих в близких жанровых формах. Автор статьи также обращает внимание на причины обращения писателя к малым формам.

*«Человеку никак нельзя жить без Родины,
как нельзя жить без сердца».*

К. Паустовский

Александр Исаевич Солженицын – писатель широкого творческого диапазона. Он писал рассказы, повести, романы, публицистические статьи, художественные исследования, но именно «Крохотки», на наш взгляд, наиболее полно раскрывают внутренний мир писателя, иными словами, помогают проследить «диалектику его души». Знакомство с этими произведениями позволяет читателю не только получить эстетическое наслаждение, но и задуматься над смыслом жизни, судьбами людей. Более того, в «Крохотках» мы сердцем чувствуем, что только желание «повернуть глаза зрачками в душу», стремление к духовному исцелению, способность к покаянию позволили А. Солженицыну стать величайшим писателем современности, победить болезнь, выстоять. Цикл из семнадцати миниатюр не случайно завершается «Молитвой». В подтексте произведений можно увидеть библейскую философию, согласно которой – самое главное, абсолютное во всех отношениях – это Бог, духовное. В Святом Писании сказано, что люди должны искать Бога, так как «Бог есть любовь».

Когда расступается в недоумении
или сникает ум мой,
когда умнейшие люди
не видят дальше сегодняшнего вечера
и не знают, что надо делать завтра, –
Ты снисылаешь мне ясную уверенность,
что Ты есть
и что Ты позаботишься,
чтобы не все пути добра были закрыты [2, с. 293].

Первые «Крохотки» (1958–1960) рождались во время велосипедных походов по Средней России. А. Солженицын писал их для себя, не задумываясь о критике, не подстраиваясь под чужие вкусы, не надеясь, что они будут когда-то опубликованы на страницах хотя бы рязанских газет. Работа в малых формах приносила удовольствие писателю, он чувствовал себя неудобно, неловко в произведениях, где слишком много места. Более того, именно в «малой форме А. Солженицын «оттачивал грани с большим наслаждением для себя» [1, с. 443].

Вопрос для кого он пишет? – не волновал будущего писателя и по окончании школы. На премию, которая полагалась лучшему выпускнику школы, был куплен дорожный велосипед «Украина». Во время путешествия по Военно-Грузинской дороге, Украине у молодого человека появилась потребность записывать, развивалась наблюдательность. «Уже в эти годы Александр Солженицын научился словом передавать запах зноя и цвет солнечных бликов, вкус воды в горных источниках и свойства еды в сасадилах (местных столовых), тоскливую протяжность грузинских песен... Под пером оживали горные ущелья и перевалы, спуски и подъёмы, привалы и ночлеги, купание в ледяном нарзанном озере и валяние в зелёной пахучей траве», – подмечает Л. Сараскина после знакомства с циклом очерков А. Солженицына «Мои путешествия» [1, с. 143]. Пройдёт время, и Александр Исаевич назовёт свои путешествия – «временем душевной пустоты», а очерки – «ничтожными юношескими набросками». Думается, данные высказывания А. Солженицына – это выплеск негативных эмоций умудрённого жизнью человека себе, молодому, начинающему, неопытному, и не более.

Попытки А. Солженицына напечатать «Крохотки» на родине оказались тщетны. Впервые они были опубликованы в журнале «Грани» (Франкфурт, 1964, № 56). Внимание к художественной детали, глубокий психологизм, анализ, лиризм, оптимистический драматизм, лаконичность мысли, гуманистическая позиция автора, наблюдательность – вот основные качества произведений А. Солженицына. В этой синтетичности нам и видится сила таланта писателя.

На первый взгляд, «Крохотки» – произведения бессюжетные. Но это только на первый взгляд. Если вчитаться, то мы увидим, что в них есть сюжет развития чувств, который основан на внутреннем конфликте. Система образов состоит из читателя и лирического героя, он же рассказчик (об этом свидетельствуют местоимения и глаголы первого лица), наблюдатель и в какой-то мере судья, одноклассник писателя, который и выражает мысли и чувства, своё отношение к происходящему, рассуждает о сущности бытия. Нельзя не заметить, что один из любимых знаков препинания А. Солженицына – многоточие. Знак недоговорённости и одновременно знак надежды, воспринимается как указание на диалог писателя с читателем, между которыми складываются доверительно-эмоциональные отношения.

В процессе работы А. Солженицын, безусловно, использовал опыт И. Тургенева, однако, согласитесь, сделал это творчески, «искусно сочетая беллетристику, элементы публицистики, мемуаристики и документа» [4, с. 44]. Исходя из вышесказанного, мы ставим под сомнение утверждение Б. Кодзиса, который полагал, что «А. Солженицын возродил жанр лирической миниатюры

(или стихотворения в прозе), которая в русской литературе советского периода долгое время была в опале» [3, с. 110]. Тем более, что и сам писатель для определения жанра своих произведений ввёл неологизм “крохотки”, что означает “очень маленькие произведения”.

Философской крохоткой «Утёнок» А. Солженицын пытается дать ответ на вопрос: понятие красоты появилось как результат деятельности человека или оно универсальное, созданное природой. Автор придерживается второй точки зрения, природа – живая и не может быть несовершенной. Красота всего живого – эстетическое достоинство, оно существует независимо от человека, никогда люди со всем своим атомным могуществом не смонтируют этого невесомого жалкенького жёлтенького утёнка: «И в чём тут держится душа? Не весит ни сколько, глазки чёрные – как бусинки, ножки – воробьиные, чуть-чуть его сжать – и нет. А между тем – тёпленький. И клювик его бледно-розовый, как наманикюренный, уже разлапист. И лапки уже перепончатые, и жёлт в свою масть, и крыльца пушистые уже выпирают. И вот даже от братьев отличился характером» [2, с. 283].

Писатель восхищается обычным человеческим счастьем. Возможно, для кого-то посидеть под яблоней в саду после дождя – это привычное дело. Но не для человека, который более восьми лет провёл в неволе и научился довольствоваться малым. Этим фактом, полагаем, можно также объяснить обращение писателя к малым формам. Лирический герой А. Солженицына упивается чувством свободы даже в рамках крохотного садика, сжатого звериными клетками пятиэтажных домов. Заметим, что в крохотке «Дыхание» деталей пейзажа немного: «Ночью был дождик, и сейчас переходят по небу тучи, изредка брызнет слегка. Я стою под яблоней отцветающей... Не одна яблоня, но и травы вокруг сочают после дождя» [2, с. 281].

Для него ощущение воли превышает материальную обеспеченности. Ощутить особую энергетику от воздуха, напоённого цветением, сыростью, свежестью, помогают читателю использованные в миниатюре однородные члены (втягиваю, ощущаю, дышу), авторские неологизмы («сочают», «напаивает»), словесные повторы («дышу, дышу, то с открытыми глазами, то с закрытыми»; «дышать так, дышать здесь»; «этого воздуха, этого воздуха»), а метафоры в свою очередь усиливают противопоставление «крохотного садика» шумному, бездушному городу («завывание радио», стрельба мотоциклов», бубны громкоговорителей»). Для А. Солженицына, как и его лирического героя, слова жить, дышать, быть свободным синонимичны. Поэтому писателя не смущал тот факт, что писал он в стол, ради творчества обрёл себя на затворничество: пожертвовал сном, отдыхом... Это не каприз или чудачество бывшего зэка. Даже мысленно возвращаться к дням, проведённым в тюрьмах и ссылках, у А. Солженицына не было желания. Яркое свидетельство тому – факт из биографии писателя, когда Александру Исаевичу довелось читать лекции по распространению научных знаний в рязанской женской колонии при тюрьме. «И я воображаю: сейчас отнимут у меня пропуск, и я останусь тут. И эти стены. Всего в нескольких метрах от известной мне улицы, от известной троллейбусной остановки, перегородят всю жизнь, они станут не стенами, а годами» [1, с. 439]. Ученик А. Солженицына вспоминал, как был поражён, когда учитель посовето-

вал ему овладеть профессией, которая может пригодиться в случае ареста. Не потому ли автор миниатюры «Прах поэта», узнав, что тело Якова Полонского, русского поэта, перезахоронили, вывезли из зоны, с чувством жалости смотрит на надзирателя (ранее на этом месте находился Успенский монастырь, где завещал похоронить себя поэт). Слова « – Освободился, значит...», иронично произнесённые охранником, – яркое свидетельство того, что за дощатым забором с колючей проволокой вряд ли чувствовал себя свободным и этот человек.

Как видно, для А. Солженицына национальное – это часть души. Люди, которые не умеют ценить достоинства своего народа, ставятся автором крохотки «Прах поэта» на самые нижние ступеньки эстетической лестницы. В вышеназванном произведении писатель вспоминает историю Успенского монастыря, который от разорения пощадил даже суеверный Батый, а в советское время в святых местах была детская колония, потом власти дали разрешение колхозу разобрать церкви на кирпичи...

Тему национального самосознания автор развивает в крохотке «Озеро Сегден». Противоречивые чувства – восхищение и боль, гордость и тоска, глубокие чистые мысли и горловой спазм – охватывают нас, когда мы зрительно пытаемся представить красоту описанных мест. Силу, глубину любви лирического героя к родным местам автор передаёт при помощи неологизма – «излюбить». В минуты единения с природой, когда душа парит, он понимает, что чувство любви неисчерпаемо. «Озеро в небо смотрит, небо – в озеро». Как видно, соотношение неба и земли у А. Солженицына прежде всего концептуально-мировоззренческое. Если спокойно на небе, значит – и на земле, и в сердце человека. Отталкиваясь от реальных фактов («Об озере этом не пишут и громко не говорят. И заложены все дороги к нему, как к волшебному замку»), которые являются объектом авторского восприятия, шаг за шагом, от частного (описание озера) к общему (рассуждение о судьбе Родины), автор ведёт нас к пониманию сущности выражения «жить по совести». Рассмотренная крохотка ёмкая по содержанию, в ней представлены все типы речи, осмыслены реальные факты, затронуты социальные проблемы, что даёт право литературоведам причислить данное произведение к жанру очерка. С этим трудно не согласиться.

С горькой иронией лирический герой крохотки «Озеро Сегден» подмечает, что он не только не может поселиться на берегу этого милого озера, но и «просочиться к озеру» возможно лишь «скотьей тропой в час полуденный, в день дождливый». «Лютый князь, злодей косоглазый захватил озеро: вон дача его, купальня его. Злоденята ловят рыбу, бьют уток с лодки... сюда, чтоб никто не мешал им – закрыты дороги, здесь рыбу и дичь разводят особо для них» [2, с. 282]. Единение понятия «милое, пустынное озеро», в котором отразилась «мечта писателя о тихом уголке России», и слова «нельзя», которое предстаёт перед посетителями чудного уголка природы в виде запретного знака, немой чёрточки, что означает: «ехать нельзя и лететь нельзя, идти нельзя и ползти нельзя» (пять раз употреблено слово нельзя в очерке), позволяет А. Солженицыну ненавязчиво воссоздать время, в которое довелось жить его поколению. «Время – тоже родина» – к такому пониманию подводит нас писатель очерком «Озеро Сегден».

И каждый в этом времени выбирает свой путь. Ослеплённый идеями марксизма, А. Солженицын на определённом отрезке времени предпочёл жизни по христианским заповедям годы «бесчувственной молодости», слепоты. Затем на смену им пришла глухая неизведанная беспомощная тропа арестанта. И только спустя годы – прозрение, понимание, что главный враг, если говорить словами героя романа «Красное колесо» Георгия Воротынцева, – «круговой обман, победить который можно словом, как меч».

Не слышать, имея уши,
Не видеть, глаза имея, –
Коровьего равнодушья
Что в тебе, Русь, страшнее? (Отрывок из повести в стихах «Дороженька»).

По нашему твёрдому убеждению, вышеназванные этапы из жизни писателя отчётливо прослеживаются в крохотке «Способ двигаться» [2, с. 287]. Они предстают перед нами в аллегорической форме. «Конь – играющий выгнутою спиной, рубящий копытами, с размётанной гривой, с разумным горячим глазом!» – разве это не ассоциация с годами беспечной молодости, неспособной увидеть мир в его истинном свете. А «верблюд – медлительный мудрец с усмешкой познания на круглых губах!» – не он ли уберёт лирического героя А. Солженицына от искушения марксизмом, судьбы партийного писателя. И в свою очередь «черноморденький ишачок – с его терпеливой твёрдостью» заставил писателя позаботиться о выздоровлении души.

Исходя из вышесказанного, можно высказать предположение, что крохотку «Способ двигаться» не стоит рассматривать узко, как неприязнь А. Солженицына к современной технике, где она предстаёт в облике безобразного чудовища «с мёртвыми стеклянными глазами», которое скрежещет железом и плюёт, плюёт фиолетовым вонючим дымом».

Вера в Бога – чувство, некогда утраченное А. Солженицыным, помогает писателю обрести смысл жизни:

И теперь, возвращённою мерою
надчерпнувши воды живой, –
Бог Вселенной! Я снова верую!»

Мысли лирического героя о ежедневном, ежечасном служении человека своему телу, а не душе находят отражение в крохотке «Приступаю ко дню» [2, с. 292]. Возможно, произведение имеет несколько нравоучительный характер. Тем не менее, нельзя не согласиться с А. Солженицыным, что обретение человеком уверенности в Божьей милости помогает каждому из нас в поисках истины.

Не потому ли в церквях автор «Крохоток» видел «ключ умиротворяющего русского пейзажа» (крохотка «Путешествуя вдоль Оки» [2, с. 292]), ключ к душевной гармонии, пониманию смысла жизни: «И где б ты в поле, в лугах ни брёл, вдали от всякого жилья, – никогда ты не один: поверх лесной стены, стогов намётанных и самой земной округлости всегда манит тебя маковка колоколенки... И всегда люди были корыстны, и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем. Напоминал он, что покинуть надо мел-

кие земные дела, отдать час и отдать мысли – вечности». Приём аллитерации (повторение сонорных [л], [н]) помогает читателю прочувствовать силу воздействия колокольного звона на духовное состояние человека, а использование автором лексем и словосочетаний, типа: «начинаешь понимать», «ключ», «церковь», «звон вечерний плыл над селом», «покинуть надо мелкие земные дела», «отдать мысли – вечности», «звон, старый напев ... поднимал людей», «в эти камни наши предки вложили всё своё лучшее, всё своё понимание жизни» подводят к пониманию решения проблемы соотношения времени и вечности. Если звуки набата из произведения «Путешествуя вдоль Оки» дарят читателю, лирическому герою успокоение, надежду, то колокольный звон (крохотка «Колоколья») вызывает чувство тревоги, ужаса за судьбу многих городов российской глубинки и его жителей. Знак тире помогает автору передать настроение «покинутых, обманутых» людей, которые живут среди «израненных, грустных улочек» в «полузамёрзшем, переломленном, недобитом городе», который простоял восемь веков, пережил жестокие нашествия татар, поляков, а был затоплен родными руками. Но люди живут, потому что надо жить. Эта мысль выразительно прослеживается по ходу крохотки «Колоколья».

«Крохотки» А. Солженицына нам сложно рассматривать по отдельности, они представляют собой отрывки или разделы книги о смысле жизни: от осмысления своего собственного «я» до космических просторов. Этому способствует приём парцелляции – интонационное деление предложений на самостоятельные отрезки, которые графически выделены как самостоятельные предложения, который и использует писатель, чтобы создать впечатление, что перед нами фрагменты авторских мыслей. Неслучайно Л.П. Гроссман определил “Крохотки” А. Солженицына как “поэму о пройденном жизненном пути”, темами которой являются Россия... Природа, Жизнь, Любовь, Смерть, Безверие.

Обратим внимание ещё на одну особенность рассматриваемых произведений: с одной стороны, наблюдается стремление автора сузить поле зрения читателя, но при этом помимо воли писателя наблюдается тенденция к обобщению, эпизации. Обобщённый характер крохоткам придают неопределённая форма глаголов в безличных предложениях (страшно подумать), определённо-личные с глаголами второго лица (“начинаешь понимать”). И это не удивительно. Писатель старается ухватить жизнь целиком, во всех её проявлениях, противоречиях. Тем не менее, без его внимания не остаётся ни одна деталь: старое ведро – символ фронтового братства, утёнок – олицетворение первозданности природы, кладбища – напоминание людям о быстротечности людской жизни, город на Неве с его историческими постройками, каналами, преклонёнными ангелами со светильниками – представление о законченной вечной красоте. В крохотке «Город на Неве» автор констатирует факт, что всё это великолепие построено на косточках предков, и одновременно задаётся вопросом: неужели все «наши нескладные гиблые жизни... всё это тоже забудется начисто? Всё это тоже даст такую законченную вечную красоту?..» [2, с. 287].

В лубяном плетёном коробе на широком брезентовом разлохмаченном ремне А. Солженицын не просто увидел колхозный рюкзак, в котором рязан-

ские женщины возят в город молоко, творог, помидоры за себя и двух соседок, а из города – полста батонов на три семьи: «Он держит столько тяжести, что даже через телогрейку не выносит его ремня непривычное крестьянское плечо». В плетёном коробе заключена сила духа Русских Женщин, на которых держалась Россия. Крохотка «Колхозный рюкзак» вызывает не меньшее волнение, чем рассмотрение картины Рафаэля Санти «Сикстинская Мадонна». Сила А. Солженицына-эссеиста заключена в последних строках крохотки «Колхозный рюкзак» [2, с. 290]: «Братья по перу! Я не говорю: примерьте такую корзиночку на спину. Но если вас толкнули – езжайте в такси». Писатель приводит читателя к той черте, когда от увиденной картины хочется рыдать и одновременно стремиться к чистоте, благородству собственных помыслов. Не может быть, чтобы в эти минуты Александр Исаевич не вспоминал свою маму. Не всегда он был нежен с ней, заботлив, ласков, не сообщил родному человеку, что женился, свой офицерский аттестат выписал не на мать, а на жену и, таким образом, Таисия Захаровна числилась не матерью офицера, а гражданской женщиной... Почему мы начинаем ценить людей после смерти? Этот вопрос не даёт покоя ни лирическому герою А. Солженицына, ни нам, читателям.

Даже выдержка, зрелость мысли, бескорыстие и несуетный дар не позволяли А. Солженицыну-писателю, А. Солженицыну-человеку найти истину: «В постоянной струйчатой ряби, в неугомной смене воды отраженья неверны, неотчётливы, непонятны» (крохотка «Отраженье в воде»). Этот факт, безусловно, не давал покоя творческой личности, общественному деятелю. Однако со временем Александр Исаевич понял, что настоящую истину невозможно передать словами и только сердце приближает нас к ней. Толчком к размышлению по данному вопросу и написанию крохотки «Отраженье в воде», думается, послужил быстрый водяной поток. Подобно художнику писатель создаёт небольшую зарисовку словом, насыщает её глубоким философским подтекстом.

«Истина – в движении». В этих словах достаточно ёмко выражено состояние души лирического героя, его мысли, чувства, ощущения. Пока человек движется, его победить невозможно – к такому выводу приводит нас писатель. Может это стремление к действию и стало спасением А. Солженицына от смертельной болезни. Когда жизнь ставит человека перед выбором, мы слушаем своё сердце, нас не одолевает круговорот мыслей, а это, в свою очередь, позволяет приблизиться к «бессмертной чеканной истине». Ради литературы А. Солженицын оставляет математику, а значит, целенаправленно выбирает лагерную жизнь. Оказавшись перед выбором, полковник Травкин не отрекается от капитана А. Солженицына, более того, наводящим вопросом указывает своему подчинённому на причину ареста. Писатель искренно признается: «О, это страшный яд! Когда говорят вам, что истина найдена, она – вот она, лежит такая доступная, зачем мучиться и проходить 100 философов и узнавать историю мысли?» [1, с. 345].

Природа неслучайно является действующим лицом большинства произведений А. Солженицына. По убеждению писателя, она во многом «чище», «благороднее», сильнее человека. Страх человека перед грозной стихией, ощущение себя «каплей морской», восторг от единения с разбушевавшейся природой, благодарность за причастность к рождению нового мира передаёт писатель в кро-

хотке «Гроза в горах»: «тьма, ни верха, ни низа, ни горизонта...», «... всё было мрак и бездна», «вспышки надвигались», «голос грома наполнил ущелья», «рѣв рек», «молнии падали сверху», «дробились в змейки, в струйки». При этом А. Солженицын ни разу не употребляет в тексте слово гроза. Стоит заметить, что солженицынским крохоткам, которые своими особенностями близки к жанру зарисовки («Шарик», «Гроза в горах», «Костёр и муравьи»), присущ сюжет: экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка.

Определим элементы сюжета в произведении «Вязовое бревно»: экспозиция («Мы пилили дрова»), завязка («Взяли вязовое бревно и вскрикнули... Оно пустило из себя свежий зелёный росток...»), развитие действия («Бревно положили мы на козлы, как на плаху, но не решались врезаться в шею пилой»), кульминация («Как же пилить его? Ведь оно тоже жить хочет!»), развязка («Ведь вот как оно хочет жить – больше нас!»). «Вязовое бревно», наполненное живительными силами, положенное на козлы, наделяет лирического героя тем зарядом бодрости, веры, которые позволяют человеку вести борьбу за выздоровление. А. Солженицын славит жизнь. С этой целью художник берёт для осмысления деталь, в данной зарисовке – бревно, а единицей измерения времени у автора «Крохоток» выступает мгновение: «Вязовое бревно не сдалось! Оно пустило из себя свежий зелёный росток – целый будущий вяз или ветку густошумящую» [2, с. 285].

Размышлениями о разумности представителей животного мира пронизана крохотка «Костёр и муравьи». К образу лесных обитателей обращались предшественники А. Солженицына: русский писатель Л.Н. Толстой восхищался чувством коллективизма, которое царило в муравейнике и помогло лесным обитателям утолить голод (повесть «Детство»), М. Пришвин обратил внимание на самопожертвование насекомых, ради товарищей «передние ... бросались в смолу и своими телами устлали путь для других» (рассказ «Муравьи»). А. Солженицын не остался безразличным к патриотическим порывам муравьёв. Очеловечивание маленьких насекомых происходит под влиянием чувства восхищения писателя этими сильными обитателями леса. Лирический герой крохотки «Костёр и муравьи» вытащил из огня горящее бревно, когда увидел, что по нему мечутся муравьи и погибают. «Едва преодолев свой ужас, они заворачивали, кружились и – какая-то сила влекла их назад, к покинутой родине! – и были многие такие, кто опять взбегали на горящее брёвнышко, метались по нему и погибали там...» [2, с. 291].

А. Солженицын не принимал жизненную позицию тех соотечественников, которые по своей воле покидали Родину. Может поэтому он не осуждает самопожертвование муравьёв. А может, бросающиеся в пламя мурашки напомнили А. Солженицыну его самого: Александру Исаевичу запрещали писать, не давали бумагу, а он писал и заучивал написанное наизусть, даже в день, когда можно было бы расслабиться и насладиться славой (имеется ввиду выход одиннадцатого номера журнала «Новый мир», на страницах которого был опубликован рассказ «Один день Ивана Денисовича»), он приехал к А. Твардовскому работать над рассказом «Случай на станции Кочетовка»; его выслали из страны за антисоветскую деятельность, а он писал в Америке статью «Как нам обустроить Россию».

Никакая буря, ураган, костёр не удержали бы А. Солженицына от литературной деятельности, служения России. А. Твардовский подмечает: «Опять молодец, умён и чист, полон энергии, которой, впрочем, его бы не лишила и «катастрофа» с «Денисычем» [1, с. 496]. Но объективности ради стоит отметить, что расставание с Родиной всё же лишило писателя лирического дара. Только вернувшись в России, он оказался способен писать «Крохотки» (1996–1999).

По мнению С.Я. Маршака, сила, ум, талант писателя А. Солженицына были ниспосланы народу Небом за годы его страданий, лжи: «Я всегда говорил Александру Трифоновичу: надо терпеливо, умело, старательно раскладывать костёр. А огонь упадёт с неба...» [1, с. 498]. Именно к такому выводу пришёл и А. Солженицын, когда побывал на родине С. Есенина, побродил среди однообразно вытянутых убогих деревень, хилых палисадничков, на окском косогоре, в хворостовском лесу.

Эпитеты («слепой сарайчик», «убогие перегородки»), слова с уменьшительно-пренебрежительным оттенком («польце», «чуланчик») воссоздают неприглядную картину русской деревни. Однако не они определяют тональность и ритм крохотки «На родине Есенина». На наш взгляд, восприятие лирическим героем есенинских строк «На бору со звоном плачут глухари...?», «Скирды солнца в водах лонных...?» и позволяют ему приблизиться к пониманию, что «талант – это дар Божий», его нельзя отвергать, но им и нельзя злоупотреблять, так как это всё вопреки Божьей воли. «Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясённый, нашёл столько для красоты – у печи, в хлеву, на гумне, за околицей, – красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?» [2, с. 290].

Свой дар А. Солженицын использовал для людей, для возрождения России. Встречи, беседы с людьми, прямые линии по телефону стали для писателя той живительной силой, которая наделила его силой, целеустремлённостью, мужеством, мудростью, верой в людей. Далеко немолодой человек, с массой болезней, Александр Исаевич объехал больше двадцати областей России. В крохотке «Позор» писатель искренне признаётся, что при встрече с Родиной, он испытал унижительное чувство – позор, который уже никогда не убрать из нашей истории.

Используя средства языковой выразительности – эпитеты «неотстанное (чувство), «неотступный гнёт», метафоры «проволакиваешь каждый час», «с ним роняешься в ночь» – А. Солженицын воссоздаёт безрадостную картину увиденного. Слово Позор писатель позволяет себе написать с большой буквы. Безусловно, это собирательный образ тех, кто поделил общество на народ и «власть имущие». И только лица людей, «живых», «щедродушных», с которыми довелось встретиться А. Солженицыну, чистота их помыслов, стремление к поиску заставили Александра Исаевича искренно поверить, что эти представители глубинки России – не предприимчивые дельцы, они пойдут защищать Отечество, если над Россией нависнет угроза. Неологизмом «щедродушность» писатель стремится высказать своё видение возрождения безрассудного, несчастного общества через души людей: «Неужель не прорвут они эту черту обречённости? Прорвут! ещё – в силах» [2, с. 580]. Уверенность автору «Крохоток» придаёт колокольня, которая сохранилась, несмотря на то, что на полтора

яруса ушла под воду. Последние строки крохотки «Колокольня» воспринимаются нами как слова Молитвы: «Нет, всю Русь до конца не попустит Господь утопить...» [2, с. 578]. Они созвучны «Молитве о России», которой завершается второй цикл «Крохоток»:

Отче наш Всемилостивый!
Россиюшку Твою многострадальную
не покинь в ошеломлении нынешнем,
в её израненности,
обнищании
и в смутности духа!

Образ-символ «недотопленной России» (крохотка «Колокольня») как нельзя лучше отражает атмосферу, которая царит в обществе: раздражительность, непонимание, ненависть, когда русские люди уже и не чувствуют себя соотечественниками, и не только русские.

Наблюдая такую картину, А. Солженицын не без грусти и сожаления вспоминает распространённое на Юге – «сумерничанье». Закончив домашние дела, люди не спешили зажигать лампы, выходили на завалинки. «Садись тихо – один, другой, третий, как бы в задумчивости. И подолгу молчали» [2, с. 582]. А если и беседовали, то тихо, без желчи в голосе, не ссорились, не спорили, не упрекали друг друга.

В крохотке А. Солженицына «В сумерки» заключена глубина от философского трактата о природе человека и человеческих отношениях, психологизм романа, сюжетная напряженность новеллы, взгляд в прошлое. Тут есть подтекст – крупинки нежелательного для общества спокойствия, нет назидательных интонаций. В небольшом по объёму произведении, которое по типу речи представляет собой рассуждение, предельно выражена смысловая и формальная завершенность («чеканность»), что позволяет нам принять позицию литературоведа Л. Колобаевой, которая определила жанр крохотки «В сумерки» как рассказ-афоризм: «Крохотки» – это чаще всего «сгущённые» до грани афоризма рассказы, самый малый эпос. Лирическая взволнованность в них, конечно, присутствует... Но не лиризм, открытый или подтекстный, делает здесь погоду. Главное для автора – не субъективное авторское впечатление от тех или иных явлений жизни, но сама их суть, переданная по большей части эпически-повествовательно, если не в последовательности событий, то в связке знаменующих их подробностей» [4, с. 44].

Есть все основания рассматривать и крохотку «Лихое зелье» – [2, с. 580] как рассказ-афоризм. Обыграв пословицу «лихое зелье – нескоро в землю уйдёт», А. Солженицын приглашает читателя к размышлению: «Отчего ж у добрых растений всегда сил меньше?» Неологизм «благие издумки» раскрывает сущность рассуждений писателя, которые ведут читателя к пониманию простой истины, что представлена в форме афоризма: «и отпущено каждому живущему только: свой труд – и своя душа». Раскрытию интеллектуальной значимости данного изречения способствует образный параллелизм: труд земледельца, который старается «сохранить зёрна до срока, посеять угодно, дохолил до плодов растения добрые» и сорняки, что «взбрасываются с дикой резвостью, в насмешку».

Подобные аналогии можно проследить и в крохотке «Молния»: липа, расколота молнией надвое, и кары-совести, что постигают человека; в «Лиственнице» – это образы «диковинного дерева», хвойного, крепкого и сердцевинной, и древесной тканью, но каждый год с наступлением осени осыпающегося «по соболезности», «празднично – мельканием солнечных искр» и лирического героя, в котором явно просматривается автопортрет художника слова А. Солженицына.

Безусловно, творческий приём используется автором целенаправленно. Он ведёт читателя к осмыслению духовного опыта писателя, который в обобщённом виде представлен в заключительном абзаце произведения (в виде сентенции или афористического изречения). Афоризмом «Ясное старение – это путь не вниз, а вверх» А. Солженицын приглашает нас порассуждать о проблеме жизни и смерти. Лирический герой рассказа «Старение» [2, с. 578] убеждён, что «старенье – вовсе не наказание Божье, в нём своя благодать и свои тёплые краски», что каждый может преодолеть страх смерти: «Прежде чем наступает смерть, в нас происходит внутренняя подготовка: мы созреваем к ней. И уже ничто не страшно».

В качестве ключевого слова в рассуждениях А. Солженицына выступает слово «благодать». Понятие христианского богословия рассматривается автором как дар человеку от Бога, и этот дар получает человек исключительно по милости Господа. Изречением «Благословенное незнание. Это – милостивый дар» (крохотка «Завеса») писатель подчёркивает, что заслужить смерть, будучи в преклонном возрасте, смерть, которая неожиданно обрывает полноценную жизнь человека, – это тоже в милости Бога. Жизнь в острой стадии сердечной болезни А. Солженицын сравнивает с сиденьем в камере смертников. «Каждый вечер – ждёшь, не шуршат ли шаги? это за мной? Зато каждое утро – какое благо! какое облегчение: вот ещё один полный день даровал мне Господь» [2, с. 581]. Думается, рассказ «Завеса» писался А. Солженицыным с единственной целью – помочь человеку осмыслить прожитый день как благодать, дарованную Господом, и наполнить жизнь смыслом. Как видно, писатель выступает в роли духовного наставника, который никогда не тратил напрасно время. Цитаты из романа «Раковый корпус»: «Когда-нибудь не страшно умереть – страшно умереть вот сейчас», «Если ты не умеешь использовать минуту, ты зря проведешь и час, и день, и всю жизнь» созвучны мотиву крохоток «Старение», «Завеса».

Сколько прямодушных сердец
и сколько талантов
Ты поселил в русских людях.
Не дай им загинуть, погрузиться во тьму, –
не послуживши во имя Твоё!

«Благодетельный миг» для А. Солженицына – это и занятие творчеством. Особое вдохновение писатель ощущал в утренние часы, когда душа, очищенная за ночь, «распахивает тебе необъятно покойное, ясное утреннее состояние» [2, с. 580]. Знакомство с крохоткой «Утро» позволяет понять, что для А. Солженицына существовала два равноценных условия для творчества: свобода и душа «с первозданной снежистой белизной»:

А сколько не успею – значит, Ты определил это другим, – отмечает автор «Крохоток» в «Молитве».

Слова молитвы помогают лирическому герою А. Солженицына наладить духовную связь с близкими людьми, покинувшими этот мир (крохотки «Мы – то не умрём», «Поминование усопших»). Риторические вопросы «Куда уходят?», «Может, и мы чем-то пособим?» придают повествованию особую экспрессивность. Известно, что после возвращения на родину, А. Солженицын побывал на могилах родных и в тех местах, где предположительно были захоронены отец, мать: «Всё закатано... Слишком долго мы свою память не хранили, слишком легко всё забыли» [1, с. 835]. Его волнует неуважительное отношение современников к истории своего рода, а ведь именно память – основа нашего будущего. Слово «душа» на страницах «Крохоток» играет роль своеобразного моста (по тексту «неосязаемая арка – вселенского размаха»), который позволяет, «сосредоточась, даже вдыхать их отзыв, заминку, предупреждение. И – своё земное тепло посылаешь им в обмен... И – обещанье встречи» [2, с. 584].

Проведённый анализ «Крохоток» позволяет нам не столько понять, сколько прочувствовать, что духовная связь между А. Солженицыным и читателями не прекращается. Автор «Крохоток» предстаёт перед нами человеком мудрым, милосердным, глубоко верующим, уверованным в духовное исцеление человека, в возрождение России, талантливым. Мы видим, как от крохотки к крохотке расширяется круг его интересов: от наблюдений за окружающим миром, размышлений над «мгновениями» повседневности, осмысления своего душевного состояния, собственного «я», духовно-этических, нравственно-эстетических гражданских проблем (цикл 1968–1960) до стремления к познанию философии жизни, законов мироздания (цикл 1996–1999).

«Крохотки» А. Солженицына по праву можно назвать философскими циклами, так как стремление к процессу познания всегда заставляет человека находиться в зоне вечной борьбы между добром и злом. В произведениях русского писателя «сильный нравственный стержень», этим они в первую очередь и привлекают внимание читателя.

Уникальное восприятие окружающего мира, запечатлённое в крохотках, заставляет исследователей вот уже несколько десятилетий задаваться вопросом о жанровой природе произведений: аллегорическая миниатюра («Костёр и муравьи»), философский этюд («Колхозный рюкзак»), философский трактат («Мы-то не умрём»), путевой очерк («Город на Неве»), зарисовка («Вязовое бревно») – такие разновидности лирической миниатюры выделяет Б. Кодзис [3, с. 103] в «Крохотках» А. Солженицына; Л. Колобаева [4, с. 43] увидела в этих произведениях «сгущённые до грани афоризма рассказы»; как на лирический дневник посмотрела на них Р. Мулдагалиева [6, с. 17]; Ю. Орлицкий, сопоставив солженицынские крохотки со стихотворениями в прозе И. Тургенева, пришёл к выводу, что «единственное, что можно безошибочно сказать о природе миниатюры, – это прозаическое произведение меньше рассказа» [5]; Л.П. Гроссман [4, с. 42] определил «Крохотки» «как поэму о пройденном жизненном пути»; с точки зрения Л. Сараскиной [1, с. 851], миниатюры-притчи (так литературовед определила жанр «Крохоток») «впускали читателя в самые сокровенные, интимные размышления автора». Безусловно, все эти точки зрения имеют право на жизнь.

Однако вдумавшись в само название – крохотки (очень маленькие, крошечные). Именно так А. Солженицын определил жанр своих произведений. С этой целью он создал неологизм. И этим самым, «без вызова и гордыни, но просто по осознанию особенности своих малых детищ», отделил жанрово свои произведения от близких в жанровом отношении творений И. Тургенева, И. Бунина, А. Ремизова, В. Солоухина и др.

В крохотках А. Солженицына – уникальный духовный опыт писателя, основные мотивы его творчества, художественный почерк мастера слова, стремление целенаправленно обогатить скудеющий русский язык, творчески переосмысленный опыт предшественников и современников русского писателя.

Список литературы:

1. Сараскина, Л. И. Александр Солженицын / Л. Сараскина. – 2-е изд. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 935 с.
2. Солженицын, А. И. Рассказы / А. Солженицын. – М. : Астрель, 2012. – 588 с.
3. Кодзис, Б. Лирические миниатюры Александра Солженицына / Б. Кодзис. – Новое в школьной программе. Современная русская проза. – М., 1998. – 103–110.
4. Колобаева, Л. Крохотки / Л. Колобаева. – Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 39–44.
5. Орлицкий, Ю. Большие претензии малого жанра / Ю. Орлицкий. – НЛО. – 1999 (38).
6. Мулдагалиева, Р. Рассказы-миниатюры «Крохотки» А.И. Солженицына. Жанровое своеобразие и тематика / Р. Мулдагалиева. <https://pedsite.ru/publications/73/6845/>

Кравченкова Е. А.
(Москва, Россия)

УДК 82.091

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И РУССКАЯ РЭП-КУЛЬТУРА: ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ

Ключевые слова: Егор Летов; Гюо ПиКа; Евгений Казачков; Гнойный; ОксиМирон; рэп; речитатив; «стихотворение в прозе»; концепты «свобода» и «криминал».

Аннотация: личность и творчество А. И. Солженицына прочно вошли в современную русскую песенную культуру. Рок- и рэп-исполнители, участники интернетлора (фольклора Интернета) обращаются к произведениям писателя с конца 1980-х годов. Противоречивое отношение современного российского слушателя к мировоззренческой позиции Солженицына отразилось в разнообразии песенных жанров и интонации поэтических текстов. Дискурс свободы и неприятия несправедливой тюрьмы, характерный для творчества писателя, нашел последователей среди участников рэп-культуры (Евгений Казачков и Гюо ПиКа), а вынужденная эмиграция Солженицына и его миссия наставника русского народа вызывают ироничную ухмылку во фристайле Славы КПСС (Гнойного) в рэп-баттле с ОксиМираном 2017 года.

Формирование традиции использования солженицынского мифа в русской песенной культуре началось в конце 1980-х годов, когда политика гласности открыла возможности для прочтения и интерпретации произведений писателя широкому кругу как читателей, так и творчески мыслящих интеллектуалов.